

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Сельма Лагерлёф

**ЛЕГЕНДЫ
О ХРИСТЕ**

Сельма Лагерлеф
Легенды о Христе
Серия «Школьная библиотека (Детская литература)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7440691
Легенды о Христе/Пер. со швед. В. Спасской; Вступ. ст. Н. Будур; Рис. О. Ионайтис.: Детская литература; Москва; 2004
ISBN 978-5-08-004112-9

Аннотация

В книгу вошли легенды о Христе, написанные под впечатлением путешествия знаменитой шведской писательницы по странам Ближнего Востока. Это законченное художественное произведение с высоким нравственно-гуманистическим содержанием.

Содержание

Старая шляпа детства	5
Святая ночь	10
Видение императора	15
Колодец Мудрецов	20
Вифлеемский младенец	26
Конец ознакомительного фрагмента.	34

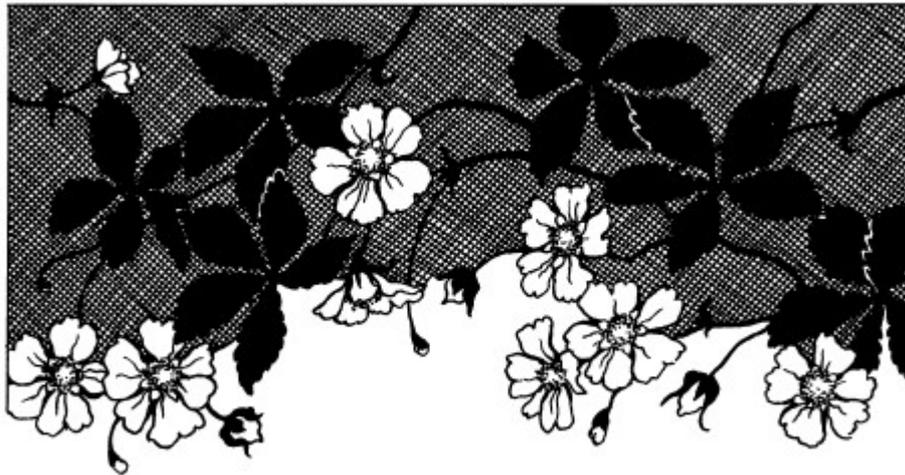
Сельма Лагерлёф Легенды о Христе

Selma Lagerlöf

1858–1940

Старая шляпа детства (О Сельме Лагерлёф)

«Большинство людей сбрасывают с себя детство, как старую шляпу, и забывают его, как ставший ненужным номер телефона. Настоящий человек только тот, кто, став взрослым, остается ребенком». Эти слова принадлежат известному немецкому детскому писателю Эриху Кёстнеру.

К счастью, в мире не так мало людей, которые забыли или не захотели в юности сбросить с себя старую шляпу детства. Некоторые из них – писатели-сказочники.

Сказка – первая книга, которая приходит к ребенку. Сначала сказки малышам читают родители, дедушки и бабушки, затем дети подрастают и начинают читать их сами. Как же важно, чтобы в руки взрослым – ибо именно они покупают и приносят в дом книги – попали добрые сказки.

Шведским родителям в этом отношении очень повезло. Народные предания, легенды и сказки в Швеции любили всегда. Именно на основе фольклорных произведений, произведений устного народного творчества, на Севере была создана литературная, или авторская, сказка.

Нам известны имена Сельмы Лагерлёф, Захариуса Топелиуса, Астрид Линдгрэн и Туве Янссон. Эти сказочники писали на шведском языке. Они подарили нам книги про Нильса Хольгерссона, отправившегося в путешествие по родной стране вместе с гусаксом Мартином (или Мортеном), сказки о Сампо-Лопарёнке и портном Тикке, пришившем Швецию к Финляндии, веселые повести о Малыше и Карлсоне, о Пеппи Длинный-чулок и, конечно, волшебную сагу о семействе Муми-троллей.

Пожалуй, менее всего в нашей стране известно творчество Сельмы Лагерлёф. Ее считают прежде всего «взрослой» писательницей. Однако это совсем не так.

Сельма Лагерлёф прославилась во всем мире (и в нашей стране) прежде всего как детский писатель своей книгой «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» (1906–1907), в которой были использованы сказки, предания и легенды провинций Швеции. Но знаете ли вы, что эта книга – не просто сказка, а роман, да еще к тому же настоящий учебник географии для шведских школ?

Учебник этот долгое время не принимали в школах, учителя и строгие родители считали, что вовсе ни к чему их детям получать удовольствие от учебы. Однако писательница Лагерлёф придерживалась иного мнения, ибо воспитывалась в совершенно необычной для

конца XIX века семье, где старшее поколение не сомневалось в необходимости развивать в детях фантазию и рассказывать им волшебные истории.

Сельма Луиса Оттилия Лагерлёф (1858–1940) родилась в дружной и счастливой семье отставного военного и учительницы, в усадьбе Морбакка, расположенной на юге Швеции, в провинции Верmland.

Жизнь в Морбакке, сказочная атмосфера старинной шведской усадьбы оставили неизгладимый след в душе Сельмы. «Никогда не стала бы я писательницей, – признавалась она впоследствии, – если бы не выросла в Морбакке, с ее старинными обычаями, с ее богатством преданий, с ее добрыми, дружелюбными людьми».

Детство Сельмы было очень тяжелым, хотя и была она окружена любящими родителями, четырьмя братьями и сестрами. Дело в том, что в трехлетнем возрасте она перенесла детский паралич и потеряла возможность двигаться. Лишь в 1867 году в специальном институте в Стокгольме девочку смогли вылечить, и она стала самостоятельно ходить, но на всю жизнь осталась хромой.

Однако Сельма не унывала, ей никогда не было скучно. Отец, тетя и бабушка рассказывали девочке предания и сказки родного Верmland, да и сама будущая сказочница очень любила читать, а с семи лет уже мечтала стать писательницей. Даже в столь юном возрасте Сельма много писала – стихи, сказки, пьесы, но, конечно, они были далеки от совершенства.

Домашнее образование, полученное писательницей, было выше всяческих похвал, но его надо было продолжать. И в 1882 году Сельма поступает в Королевское высшее учительское училище. В том же году умирает ее отец, и любимая Морбакка продается за долги. Это был двойной удар судьбы, но писательница смогла выстоять, окончить училище и стала учительницей в школе для девочек в городе Ландскруна на юге Швеции. Сейчас в городе на одном из небольших домов висит мемориальная доска, в память о том, что именно там Лагерлёф написала свой первый роман, благодаря которому она состоялась как писательница, – «Сагу о Йёсте Берлинге» (1891). За эту книгу Лагерлёф получила премию журнала «Идун» и смогла оставить школу, посвятив себя целиком писательскому труду.

Уже в первом своем романе писательница использовала известные ей с детства сказания родной Южной Швеции и впоследствии неизменно возвращалась к фольклору Скандинавии. Сказочные, волшебные мотивы есть во многих ее произведениях. Это и сборник новелл о Средневековье «Королевы Кунгахеллы» (1899), и двухтомный сборник «Тролли и люди» (1915–1921), и повесть «Сказание о деревенской усадьбе», и, конечно, «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции» (1906–1907).

Сельма Лагерлёф верила в сказки и легенды и могла их талантливо пересказывать и придумывать для детей. Она и сама стала легендарной фигурой. Так, рассказывают, что идею «Удивительного путешествия Нильса...» писательнице подсказал... гном, повстречавшийся ей как-то вечером в родной Морбакке, которую писательница смогла выкупить, уже будучи известной, в 1904 году.

В 1909 году Лагерлёф была присуждена Нобелевская премия. На церемонии вручения писательница осталась верна себе и вместо серьезной и рассудительной благодарственной речи рассказала... о видении, в котором ей предстал отец «на веранде в саду, полном света и цветов, над которыми кружились птицы». Сельма в видении рассказала отцу о присуждении ей премии и о своем страхе не оправдать огромную честь, оказанную ей Нобелевским комитетом. В ответ отец после небольшого раздумья стукнул кулаком по подлокотнику кресла и грозно ответил дочери: «Я не собираюсь ломать голову над проблемами, которые невозможно решить ни на небе, ни на земле. Я слишком счастлив оттого, что тебе дали Нобелевскую премию, и не намерен беспокоиться о чем-либо еще».

После вручения премии Лагерлёф продолжала писать о Верmlandе, его легендах и, конечно, о семейных ценностях.

Она очень любила детей и была прекрасной рассказчицей. Даже самые скучные вещи, как, например, курс географии Швеции, ей удавалось рассказать весело и интересно.

Прежде чем создать «Удивительное путешествие Нильса...», Сельма Лагерлёф объездила почти всю страну, внимательно изучила народные обычаи и обряды, сказки и предания Севера. В основе книги лежат научные сведения, но облечены они в форму приключенческого романа. Нильс Хольгерссон похож на Мальчика-с-пальчика, но он не сказочный герой, а непослушный ребенок, приносящий много огорчений своим родителям. Путешествие с гусиной стаей позволяет Нильсу не только много повидать и многому научиться, познать мир животных, но и перевоспитаться. Из злого и ленивого сорванца он превращается в доброго и отзывчивого мальчика.

Именно таким послушным и милым ребенком и была в детстве сама Сельма Лагерлёф. Ее родители не просто любили своих детей, они старались правильно воспитать их, привить им веру в Бога и стремление жить по заповедям Божиим.

Сельма Лагерлёф была глубоко верующим человеком, и потому особое место в ее творчестве занимают христианские легенды. Это, прежде всего, «Легенды о Христе» (1904), «Легенды» (1904) и «Сказка о сказке и другие сказки» (1908).

Писательница считала, что, слушая в детстве сказки и рассказы взрослых, ребенок формируется как личность, получает основные представления нравственности и морали.

Образ Иисуса из Назарета явно или незримо присутствует во всех произведениях писательницы. Любовь ко Христу как смысл жизни является главным мотивом в таких произведениях, как новелла «Астрид» из цикла «Королевы Кунгахеллы», в книге «Чудеса Антихриста» и двухтомном романе «Иерусалим». В Иисусе Христе Лагерлёф видела центральный образ человеческой истории, ее смысл и цель.

«Легенды о Христе» – одно из важнейших произведений Сельмы Лагерлёф, написанное в простой и доступной детям манере.

Цикл этот важен для понимания не только всего творчества Лагерлёф, но и личности самой писательницы, ибо именно в «Легендах о Христе» возникает образ одного из самых любимых Лагерлёф людей – ее бабушки.

Маленькая Сельма, лишенная возможности бегать и играть со сверстниками, всегда была увлеченной слушательницей бабушкиных историй. Мир ее детства, несмотря на физическую боль, был наполнен светом и любовью. Это был мир сказки и волшебства, в котором люди любили друг друга и старались помочь ближнему в беде, протянуть руку помощи страждущему и накормить голодного.

Сельма Лагерлёф считала, что нужно верить в Бога, почитать и любить Его, знать Его учение о том, как следует относиться к миру и людям, чтобы жить свято, достигнуть спасения и вечного блаженства. Она была убеждена в том, что любой христианин должен знать Божественное учение о происхождении мира и человека и о том, что с нами будет после смерти. Если человек ничего этого не знает, считала писательница, то жизнь его лишается всякого смысла. Не знающий, как нужно жить и почему нужно жить так, а не иначе, подобен ходящему во тьме.

Изложить учение христианской веры и сделать его понятным ребенку очень трудно, однако Сельма Лагерлёф нашла свой путь – она создала цикл легенд, каждая из которых читается как самостоятельная увлекательная история.

Лагерлёф поочередно обращается к евангельским событиям земной жизни Иисуса Христа: это и поклонение волхвов («Колодец Мудрецов»), и избивание младенцев («Вифлеемский младенец»), и бегство в Египет, и детство Иисуса в Назарете, и Его приход в храм, и Его страдания на кресте.

Каждое событие жизни Иисуса Христа излагается не в строгой и сухой канонической форме, а в увлекательной для ребенка манере, часто с совершенно неожиданной точки зре-

ния. Так, крестные страдания Иисуса рассказывает маленькая птичка из легенды «Красношейка», а об истории бегства Святого семейства в Египет читатель узнает от... старой финиковой пальмы.

Часто легенда вырастает из одной лишь детали или упоминания, которые есть в Священном Писании, тем не менее писательница неизменно следует духу евангельских описаний земной жизни Иисуса.

Поскольку далеко не все сейчас знают историю жизни и вознесения Иисуса Христа, то мы считаем нужным рассказать здесь кратко о Его земных днях, поскольку предварительные сведения помогут вам лучше понять легенды Сельмы Лагерлёф.

Иисус Христос – Сын Божий и Бог, живший на земле как человек 33 года. До 30 лет Он жил в бедном галилейском городе Назарете с Матерью Своей Марией и Ее обручником Иосифом, разделяя его домашние труды и ремесло, – Иосиф был плотником. Потом явился Он на реку Иордан, где принял крещение от Своего Предтечи (предшественника) – Иоанна. После крещения Христос провел в пустыне сорок дней в посте и молитве; здесь выдержал Он искушение от диавола и отсюда явился в мир с проповедью о том, как нам жить и что делать, чтобы войти в Царствие Небесное. Проповедь и вся земная жизнь Иисуса Христа сопровождалась многочисленными чудесами. Несмотря на это, иудеи, обличаемые Им в своей незаконной жизни, возненавидели Его, и ненависть возросла до того, что после многих мучений Иисус Христос был распят на кресте между двумя разбойниками. Умерший на кресте и погребенный тайными учениками, Он, силой Своего всемогущества, на третий день после Своей смерти воскрес и по Воскресении в продолжение сорока дней многократно являлся верующим, раскрывая им тайны Царствия Божия. В сороковой день, в присутствии Своих учеников, Он вознесся на небо, а в пятидесятый – послал им Духа Святого, просвещающего и освящающего всякого человека. Со стороны Спасителя страдания и крестная смерть были добровольной жертвой за грехи людей.

Господь хотел, чтобы человек изменился, научился жить в любви и смирении, и потому свой цикл легенд о Нем писательница заканчивает историей «Свеча от Гроба Господня» – о преображении буйного нравом рыцаря-крестоносца. Он перерождается, становится совсем другим человеком, добрым и кротким, готовым на жертву ради блага другого человека.

Сельма Лагерлёф, которая никогда не забывала про старую шляпу детства, всегда верила, что человек может измениться к лучшему, как рыцарь Раньеро ди Раньери или как Нильс Хольгерссон.

Постарайтесь измениться и вы, прочтя эту книгу!

Наталья Будур

Святая ночь

Когда мне было пять лет, я пережила очень большую горе. Пожалуй, это было самое крупное горе, какое только выпадало на мою долю. У меня умерла бабушка. До самой своей смерти она проводила все время, сидя в своей комнате на угловом диване и рассказывая нам сказки. Помню я о бабушке очень мало. Помню, что у нее были красивые, белые как снег волосы, что ходила она совсем сгорбившись и постоянно вязала чулок. Потом я еще помню, что, рассказывая какую-нибудь сказку, она, бывало, положит мне на голову руку и скажет: – И все это правда... Такая же правда, как и то, что мы сейчас видим друг друга.

Припоминается мне также, что она умела петь славные песни, только пела их не часто. В одной из этих песен говорилось о каком-то рыцаре и русалке. У этой песни был припев:

А по морю, а по морю дул холодный ветер!

Помню я еще одну молитву и псалом, которым она меня научила. Обо всех сказках, которые она мне рассказывала, у меня осталось слабое, смутное воспоминание, и только одну из них я помню так ясно, что могу ее пересказать. Это небольшая легенда о Рождестве Христове.

Вот, кажется, и все, что я помню о своей бабушке, кроме, впрочем, того чувства ужасного горя, которое я испытала, когда она умерла. Это я помню лучше всего. Словно вчера это было – так помню я утро, когда диван в углу вдруг оказался пустым и я не могла даже себе представить, как пройдет этот день. Это я помню вполне ясно и никогда не забуду.

Помню, как нас привели проститься с бабушкой и велели поцеловать ей руку, и как мы боялись поцеловать покойницу, и как кто-то сказал, что мы должны поблагодарить ее в последний раз за все те радости, которые она нам доставляла.

Помню я, как все наши сказки и песни положили вместе с бабушкой в длинный черный гроб и увезли... увезли навсегда. Мне казалось, что что-то исчезло тогда из нашей жизни.

Как будто дверь в чудную, волшебную страну, по которой мы раньше свободно бродили, закрылась навсегда. И уж никто потом не сумел отворить эту дверь.

Мы, дети, постепенно научились играть в куклы и игрушки и жить, как живут все другие дети. И со стороны можно было подумать, что мы перестали тосковать о бабушке, перестали ее вспоминать.

Но и теперь еще, хотя с тех пор прошло сорок лет, в моей памяти ясно встает небольшая легенда о Рождестве Христове, которую мне не раз рассказывала бабушка. И мне самой хочется рассказать ее, хочется и ее включить в сборник «Легенды о Христе».

* * *

Это было в Рождественский сочельник. Все, кроме бабушки и меня, уехали в церковь. Только мы вдвоем, кажется, и остались во всем доме. Одна из нас была слишком стара, чтобы ехать, а другая – слишком мала. И обеим нам было грустно, что не придется услышать рождественский гимн и полюбоваться сиянием рождественских свечей в церкви. И бабушка, чтобы разогнать нашу грусть, принялась рассказывать.

– Однажды темной ночью, – начала она, – один человек отправился раздобыть огня. Он ходил от одного дома к другому, стучался и говорил: «Помогите мне, добрые люди! Жена моя родила ребеночка... Надо развести огонь и согреть ее и младенца».

Но дело было ночью, все уже спали, и никто не откликнулся на его просьбу.

Человек шел все дальше и дальше. Наконец он заметил вдали огонек. Он направился в ту сторону и увидел разведенный костер. Вокруг костра лежало стадо белых овец. Стадо сторожил старый пастух.

И вот человек, которому было нужно добыть огонь, подошел к овцам и увидел, что у ног пастуха лежат три большие собаки. При его приближении все три собаки проснулись, раскрыли свои широкие пасти, словно собираясь залаять, но не издали ни малейшего звука. Человек видел, как шерсть у собак на спине стала дыбом, как засверкали их белые зубы и как все они кинулись на него. Он почувствовал, что одна собака схватила было его за ногу, другая – за руку, а третья впилась было ему в горло. Но челюсти и зубы не повиновались собакам, и они, не причинив ему ни малейшего вреда, отошли в сторону.

Тогда человек направился к костру, но овцы так плотно прижались друг к другу, что нельзя было пробраться между ними. Тогда он прошел по их спинам к костру, и ни одна из них не проснулась и даже не пошевелилась.

До сих пор бабушка рассказывала не останавливаясь, и я не прерывала ее, но тут у меня невольно вырвался вопрос:

– Почему же, бабушка, овцы продолжали спокойно лежать? Ведь они так пугливы? – спрашиваю я.

– Подожди немного, узнаешь! – говорит бабушка и продолжает свой рассказ.

– Когда человек этот почти дошел до костра, пастух поднял голову. Это был угрюмый старик, относившийся ко всем подозрительно и неприветливо. Когда он увидел приближавшегося к нему незнакомца, он схватил длинный, заостренный на конце посох, с которым

ходил всегда за стадом, и бросил в него. Посох со свистом полетел прямо по направлению к незнакомцу, но, не долетая до него, отклонился и, пролетев мимо, со звоном упал в поле.

Бабушка хотела продолжать, но я опять перебила ее:

– Отчего же посох не попал в этого человека?

Но бабушка, не обратив внимания на мой вопрос, уже продолжала рассказ:

– Тогда незнакомец подошел к пастуху и сказал ему: «Помоги мне, друг мой. Дай мне огоньку. Жена моя родила ребеночка, и надо развести огонь, согреть ее и младенца!»

Пастух хотел ему отказать, но когда вспомнил, что собаки не могли укусить этого человека, овцы не испугались и не разбежались от него и посох не задел его, ему стало жутко, и он не посмел отказать незнакомцу.

«Бери сколько хочешь!» – сказал пастух. Но костер уже почти догорел, и не осталось ни одного полена, ни одного сучка – лежала только большая куча горячих угольев, а у незнакомца не было ни лопаты, ни ведра, в котором можно было бы их донести.

Увидев это, пастух повторил: «Бери сколько хочешь!» – и радовался при мысли, что тот не сможет унести с собой жар. Но незнакомец нагнулся, выгреб рукой из-под пепла уголья и положил их в полу своей одежды. И уголья не обожгли ему руки, когда он доставал их, и не прожгли его одежды. Он понес их, как будто это был не огонь, а орехи или яблоки.

На этом месте я перебиваю бабушку в третий раз:

– Отчего же, бабушка, уголья не обожгли его?

– Услышишь, услышишь! Подожди! – говорит бабушка и продолжает рассказывать дальше.

– Когда злой и угрюмый пастух увидал все это, он очень удивился: «Что это за ночь, что злые овчарки не кусаются, овцы не пугаются, посох не убивает, а огонь не жжет?!»

Он остановил незнакомца и спросил его: «Что за ночь сегодня? И отчего все к тебе относятся так милостиво?»

«Если ты сам не видишь, я не могу объяснить тебе этого!» – ответил незнакомец и пошел своей дорогой, чтобы поскорее развести огонь и отогреть свою жену и младенца.

Пастух решил не терять из вида незнакомца, пока не разумеет, что все это значит, и шел следом за ним, пока тот не добрался до своей стоянки. И пастух увидал, что у этого человека не было даже хижины, а жена его и младенец лежали в пустой пещере, где ничего не было, кроме голых каменных стен.

И подумал тогда пастух, что бедный невинный ребенок может замерзнуть в пещере, и, хотя сердце у него было не из нежных, ему стало жаль младенца. Решив помочь ему, пастух снял с плеча свою сумку, вынул оттуда мягкую белую овчину и отдал ее незнакомцу, чтобы тот положил на нее младенца.

И в ту же самую минуту, когда оказалось, что и он, жестокосердый, грубый человек, может быть милосерд, – открылись глаза его, и он увидел то, чего раньше не мог видеть, и услышал то, чего раньше не мог слышать.

Он увидал, что вокруг него стоят плотным кольцом маленькие ангельчики с серебряными крылышками и в руках у каждого из них – арфа, и услышал, что они громко поют о том, что в эту ночь родился Спаситель, который искупит мир от грехов.

И тогда понял пастух, отчего никто в эту ночь не мог причинить зла незнакомцу.

Оглянувшись, пастух увидел, что ангелы были повсюду: они сидели в пещере, спускались с горы, летали по небу; громадными толпами шли они по дороге, останавливались у входа в пещеру и смотрели на младенца.

И повсюду царил радость, ликование, пение и нежная музыка... И все это видел и слышал пастух в темную ночь, в которой раньше ничего не замечал. И ощутил он великую радость оттого, что открылись глаза его, и, упав на колени, благодарил Господа.

При этих словах бабушка вздохнула и сказала:

– Если бы мы умели смотреть, то и мы могли бы увидеть все, что видел пастух, потому что в рождественскую ночь ангелы всегда летают по небесам...

И, положив руку мне на голову, бабушка сказала:

– Запомни это... Это такая же правда, как и то, что мы видим друг друга. Дело не в свечах и лампадах, не в луне и солнце, а в том, чтобы иметь очи, которые могли бы видеть величие Господа!..

Видение императора

Это было в те времена, когда Август был римским императором, а Ирод – царем иудейским. И вот однажды на землю спустилась великая и святая ночь. То была самая темная ночь, какую когда-либо видели люди. Словно вся земля очутилась под какими-то мрачными сводами. Невозможно было отличить воду от земли и не заблудиться, идя даже по самой знакомой дороге. Да иначе и быть не могло, так как все звезды остались в эту ночь дома, а ласковый месяц отвернул свой лик от земли.

И так же глубоки, как и тьма, были безмолвие и тишина этой ночи. Реки остановились в своем течении, не слышно было дуновения ветерка, и даже осина перестала дрожать. Если бы кто пошел на берег моря, то увидел бы, что волны не бьются больше о берег; а если бы кто пошел в пустыню, песок не хрустнул бы у него под ногами. Все окаменело, и все было недвижимо, боясь нарушить тишину святой ночи. Трава приостановила свой рост, роса не падала, цветы не смели благоухать.

В эту ночь хищные звери не выходили на охоту, змеи не жалили, не лаяли собаки. И – что еще прекраснее – ни один из неодушевленных предметов не нарушал святости ночи, отказываясь помогать какому-либо дурному делу: отмычки не отпирали замков, нож отказывался пролить кровь.

В эту-то ночь в Риме небольшая кучка людей вышла из дворца на Палатине и направилась через Форум к Капитолию.

Незадолго перед тем, на закате дня, окружающие спросили императора, согласится ли он на то, чтобы ему воздвигнули храм на священной горе Рима. Но Август не сразу дал свое согласие. Он не знал, угодно ли будет богам, если ему воздвигнут храм наравне с ними, и решил раньше принести жертву своему духу-покровителю, чтобы узнать его волю. И вот он, в сопровождении нескольких приближенных, отправился совершать это жертвоприношение.

Август велел нести себя на носилках, потому что он был стар и высокие лестницы Капитолия были ему уже не под силу. Он сам держал клетку с голубями, которых он намеревался принести в жертву. С ним не было ни жрецов, ни солдат, ни сенаторов – одни лишь самые близкие друзья. Впереди шли, освещая дорогу, факельщики, а сзади следовали рабы, несшие алтарь-треножник, мечи, священный огонь и остальные принадлежности жертвоприношения.

По пути император весело беседовал с приближенными, и потому никто из них не заметил беспредельной тишины и мертвого молчания ночи. Только когда они достигли самой вершины Капитолия, где было выбрано место для нового храма, им стало ясно, что происходит нечто необычайное.

Эта ночь, несомненно, была не похожа на все другие ночи, потому что на краю скалы они увидели какой-то странный предмет. Сначала они приняли его за старый, опаленный молнией ствол оливкового дерева, потом им показалось, что на скалу вышло древнее каменное изваяние из храма Юпитера. Наконец они поняли, что это была старая Сибилла.

Никогда еще им не приходилось видеть такого старого, побуревшего от непогоды, гигантского существа. Эта старуха наводила ужас. Не будь с ними императора, они все бы тотчас же разбежались и попрятались в свои постели.

– Вот та, – шептали они друг другу, – которой столько же лет, сколько песчинок на берегу ее отчизны. Но почему именно сегодня, в эту ночь, вышла она из своей пещеры? Что предвещает императору и империи эта женщина, пишущая свои пророчества на листьях деревьев, зная, что ветер отнесет их тому, для кого они предназначаются?

Они все так перепугались, что, сделай Сибилла малейшее движение, они тотчас же упали бы на колени. Но она сидела неподвижно, как бездыханная. Согнувшись, сидела она на краю скалы и, полуприкрыв глаза рукою, всматривалась в ночную тьму. Казалось, она взобралась на холм, чтобы рассмотреть что-то, происходившее в это время где-то там, бесконечно далеко. Значит, могла она что-нибудь разглядеть в такую темную ночь!

И в это самое мгновение император и вся свита заметили поразительную темноту ночи. Ничего не было видно даже на расстоянии руки. И какая тишина, какое безмолвие! Даже глухой рокот Тибра не долетал до их слуха. Но от этого неподвижного воздуха они задыхались, холодный пот выступил у них на лбу, руки оцепенели и обессилели. Они чувствовали, что должно совершиться что-то ужасное. Но никто не хотел обнаружить своего страха, и все говорили императору, что это счастливое предзнаменование: вся вселенная затаила дыхание, чтобы приветствовать нового бога. Они предложили Августу приступить к жертвоприношению и говорили, что старая Сибилла покинула свою пещеру, вероятно, для того, чтобы приветствовать императора.

В действительности же все внимание Сибиллы было так поглощено представшим перед нею видением, что едва ли она даже и заметила, как Август прибыл на Капитолий. Мысленно она перенеслась в далекую страну и там, казалось ей, брела по бесконечной равнине. В темноте она постоянно натывалась на что-то, что принимала за кочки. Она наклонилась и ощупала их рукой. Но нет, это не кочки, это – овцы. Она блуждала меж огромных стад спящих овец.

Затем она заметила костер пастухов. Костер горел среди поля, и она побрела туда. Пастухи расположились вокруг огня и спали, а подле них лежали длинные, заостренные посохи, которыми они обыкновенно защищали свои стада от диких зверей. Но вот эти маленькие зверьки, с сверкающими глазами и пушистыми хвостами, что крадучись подползали к огню, разве это не шакалы? А между тем пастухи не бросали в них посохов, собаки продолжали спать, овцы не разбежались, и дикие звери спокойно улеглись рядом с людьми.

Вот что разворачивалось перед взорами Сибиллы, но она ничего не знала о том, что делается позади нее, на вершине горы. Она не знала, что там воздвигли жертвенник, развели

огонь, посыпали куренья и император вынул из клетки голубя, чтобы принести его в жертву. Но руки его так онемели, что он не мог удержать птицы. Одним легким взмахом крыльев голубь вырвался на свободу и исчез в ночной тьме.

Увидев это, придворные недоброжелательно посмотрели на древнюю Сибиллу. Они думали, что она виновата в этом.

Откуда могли они знать, что Сибилле чудится, будто она стоит у пастушьего костра и прислушивается к нежной музыке, тихо звучащей среди мертвенной тишины ночи. Долго спустя после того, как она услышала эту музыку, Сибилла поняла, что она несется не с земли, а с неба. Тогда она подняла голову и увидела скользившие в темноте светлые лучезарные создания. То были небольшие группы ангелов, которые с радостным пением носились взад и вперед по равнине, словно ища кого-то.

Пока Сибилла внимала пению ангелов, император готовился принести новую жертву. Он умыл руки, очистил жертвенник и велел подать второго голубя. И хотя на этот раз он изо всех сил старался удержать его, гладкое тело птицы выскользнуло из его рук, и голубь исчез в непроглядной тьме.

Императора охватил ужас. Он преклонил колена пред алтарем и стал молиться своему духу-покровителю. Он молил отворотить несчастье, которое предвещала ему эта ночь.

Но и это прошло для Сибиллы незамеченным. Она вся была поглощена пением ангелов, которое звучало все громче и громче. Наконец оно раздалось так громко, что разбудило пастухов. Приподнявшись, глядели они, как светлые сонмы ангелов длинными колеблющимися вереницами, подобно перелетным птицам, прорезывали ночную тьму. У одних были в руках лютни и скрипки, у других – цитры и арфы, и пение их звучало радостно, как детский смех, и беззаботно, как щебетание ласточек. Услыхав это, пастухи встали и направились к нагорному городку, где они жили, чтобы рассказать там об этом чуде.

Они пошли узкой извилистой тропинкой – и древняя Сибилла следила за ними. Внезапно вершина горы озарилась светом... Яркая, большая звезда зажглась над самой горой – и городок заблестал, как серебро, при свете звезд. Все сонмы носившихся в воздухе ангелов с радостными кликами устремились туда, а пастухи ускорили шаги и наконец побежали...

Прибежав в город, они увидели, что ангелы собрались над низким стойлом близ городских ворот. То была прилепившаяся к скале бедная лачужка с соломенной крышей. Над ней сияла звезда, и сюда слетались все новые и новые сонмы ангелов. Одни спустились на соломенную крышу и на отвесную скалу позади дома, другие парили, раскинув крылья, над хижинкой. И от их лучезарных крыльев весь воздух высоко-высоко светился ярким светом.

И когда над горным городком засияла звезда, вся природа сразу пробудилась, и кучка людей на Капитолии не могла не заметить этого. Они почувствовали, как свежий ласкающий ветерок пронесся в воздухе, как вокруг них разлилось благоухание, деревья зашумели, Тибр зарокотал, звезды засияли, и луна вдруг встала высоко на небе и осветила землю. А с облаков спустились два голубя и сели на плечи императору.

Когда произошло это чудо, Август в горделивой радости поднялся, а друзья и рабы бросились на колени.

– Ave, Caesar!¹ – воскликнули они. – Твой дух ответил тебе. Ты – тот бог, которому будут поклоняться на вершине Капитолия.

¹ Да здравствует, Цезарь! (*лат.*)

И восторженные клики, которыми славили Августа пораженные люди, были так громки, что дошли наконец до слуха старой Сибиллы и отвлекли ее от видения. Она поднялась с своего места на краю скалы и направилась к кучке людей. Казалось, темное облако поднялось из бездны и понеслось к вершине горы. Страшна была она в своей старости: спутанные волосы висели жидкими космами вокруг ее головы, суставы ее членов были вздуты, потемневшая кожа покрывала тело бесчисленными морщинами, как кора покрывает дерево.

Могучая и грозная, подошла она к императору. Одной рукой она взяла его за локоть, другой – указала ему на далекий Восток.

– Смотри! – сказала она ему.

И император поднял глаза и стал глядеть.

Пространство разверзлось пред его взором, и они проникли в далекую страну Востока. И он увидел бедное стойло под отвесной скалой и в открытых дверях – несколько колено-преклоненных пастухов. В стойле он увидел мать, преклонившуюся пред младенцем, лежавшим на соломе.

И костлявые пальцы Сибиллы указали на это бедное дитя.

– Ave, Caesar! – сказала Сибилла с презрительным смехом. – Вот Бог, которому будут поклоняться на высотах Капитолия.

Тогда Август отшатнулся от нее, как от безумной.

Но Сибиллой овладел могучий дух предвидения. Ее тусклые глаза засветились, руки простерлись к небу, голос преобразился и казался чужим; он стал таким звучным и могучим, что разносился по всей Вселенной. И она произнесла слова, которые, казалось, читала в звездах:

– Поклоняться на высотах Капитолия будут обновителю мира – Христу или Антихристу, – но не ничтожным людям.

Сказав это, она прошла мимо окаменевших от ужаса людей, медленно спустилась с горы и исчезла.

А на следующий день Август строго запретил народу воздвигать ему храм на Капитолии. Вместо этого он построил там храм в честь новорожденного Сына Божия и назвал его «Алтарь Неба» – «Ara Coelli».

Колодец Мудрецов

На древнюю иудейскую страну спустилась Засуха. Жестокая, неумолимая, проходила она по выжженной траве и поблекшему чертополоху.

Стояло лето. Солнце палило обнаженные склоны гор, малейший ветерок гнал облака известковой пыли по серовато-белой дороге, и изнуренные зноем стада толпились в долинах у иссякших ручьев.

Засуха бродила и отыскивала водохранилища. Она направилась к прудам Соломона и с досадой увидела, что в их скалистых берегах хранилось еще много влаги. Потом она спустилась вниз, к знаменитому колодцу Давида у Вифлеема, и там тоже нашла еще воду. Оттуда, шатаясь, поплелась она по большой дороге, ведущей из Вифлеема в Иерусалим. Пройдя приблизительно полпути, она увидела Колодец Мудрецов, лежавший у самой дороги, и сразу заметила, что он близок к гибели. Засуха села на сруб колодца, высеченный из цельного камня, и заглянула вниз. Блестящая водная поверхность, видневшаяся раньше у самого края колодца, отступила теперь глубоко вниз, а ил и тина со дна загрязнили и замутили ее.

Когда загорелое, обветренное лицо Засухи отразилось в тусклом зеркале воды, на дне колодца послышался жалобный плеск.

– Желала бы я знать, – сказала Засуха, – когда придет твой конец? Едва ли найдутся родники, которые могли бы возродить тебя. А о дожде, слава Богу, еще месяца два-три нечего и думать.

– Успокойся, – со вздохом ответил колодец. – Мне уже ничто не поможет. Спасти меня может только райский ключ.

– Я не покину тебя, пока ты весь не иссякнешь, – сказала Засуха.

Она видела, что древнему колодцу осталось недолго жить, и ей захотелось насладиться зрелищем его смерти, захотелось полюбоваться на то, как жизнь капля за каплей будет покидать его. Она уселась поудобнее на краю колодца и радостно прислушивалась к его предсмертным вздохам. Она ликовала, видя, как измученные жаждой путники подходили к

колодцу, опускали в него бадью и вытаскивали ее обратно с несколькими каплями мутной, илистой воды.

Так прошел весь день, и, когда наступили сумерки, Засуха снова заглянула в колодец. На дне виднелось еще немного воды.

– Я просижу здесь всю ночь, – воскликнула она, – не торопись! С восходом солнца я снова загляну в тебя, и тогда уж наверно в тебе не уцелеет ни одной капли!

И Засуха уселась на крыше колодца. Душная ночь, еще ужаснее и мучительнее, чем день, спустилась на Иудею. Ежеминутно раздавался вой шакалов и собак, которому жалобно вторили из своих душных стойл истомившиеся от жажды коровы и ослы. Поднимавшийся по временам ветерок не приносил с собою прохлады, а был зноен и удушлив, как тяжелое горячее дыхание огромного спящего чудовища.

Звезды ярко сияли, и молодой месяц обливал серые холмы мерцающим голубовато-зеленым светом. И при его сиянии Засуха увидела, как большой караван поднимается на холм, где находится Колодец Мудрецов. Засуха всматривалась в приближавшихся путников, и ее снова охватывала радость при мысли о том, что все эти люди, стремящиеся к колодцу в надежде утолить свою жажду, не найдут здесь ни капли воды. В караване было так много животных и людей, что они могли бы вычерпать весь колодец, если бы даже он был полон. Вдруг ей показалось, что в этом караване, путешествующем ночью, есть что-то необычайное и таинственное.

Все верблюды появились как-то вдруг на холме, возвышавшемся над горизонтом, как будто они спустились с неба. При лунном свете они казались крупнее обыкновенных верблюдов и несли как-то слишком легко свою тяжелую кладь.

Но в то же время не могло быть никакого сомнения в том, что это были настоящие верблюды и настоящие живые люди. Засуха могла даже различить, что трое передних животных были кровные дромадеры², с серой лоснящейся шерстью. На них была богатая упряжь, роскошные чепраки, а в седлах покачивались красивые знатные всадники.

Караван остановился у колодца, дромадеры в три приема опустили на землю, и всадники сошли с них. Вьючные верблюды продолжали стоять; к ним подходили другие, и скоро они образовали бесконечную вереницу длинных шей, горбов и искусно привязанных вьюков.

Три всадника тотчас же подошли к Засухе и поклонились ей, приложив, по восточному обычаю, правую руку ко лбу и сердцу. Она увидела, что на них были ослепительно белые одежды и такие же громадные тюрбаны, на верхушках которых горели лучистые звезды, снятые, казалось, прямо с неба.

– Мы прибыли из далекой страны, – сказал один из чужестранцев, – и просим тебя сказать нам, действительно ли перед нами Колодец Мудрецов?

– Так еще называют его сегодня, – отвечала Засуха, – но завтра здесь уже не будет колодца. Он иссякнет сегодня ночью.

– Я это вижу, потому что ты здесь, – сказал путник. – Но разве это не один из тех священных колодцев, которые никогда не иссякнут? Иначе зачем бы ему носить это имя?

– Я знаю, что это – священный колодец, – сказала Засуха, – но что же из этого? Три мудреца, от которых он получил свое название, давно ведь в раю.

Три путешественника молча переглянулись.

– А знаешь ли ты историю этого древнего колодца? – спросил один из них.

– Я знаю истории всех колодцев и рек, всех ручьев и источников, – гордо ответила Засуха.

– Так, будь добра, расскажи нам историю этого колодца, священного Колодца Мудрецов, – просили чужестранцы.

И они уселись вокруг Засухи, исконного врага всего живущего на земле, и приготовились слушать.

Засуха откашлялась, выпрямилась, как сказочник, на своем сиденье и начала рассказ:

– В Габесе, в Мидии, в городе, расположенном у самой пустыни и потому являвшемся любимым моим местопребыванием, жили много лет тому назад три человека, славившиеся своей мудростью. Они были очень бедны, а это могло бы показаться очень странным для Габеса, где знание всегда было в большом почете и щедро оплачивалось. Но эти люди и не могли ожидать ничего иного: один из них был в очень преклонных годах, другой был поражен проказой, а третий был черный толстогубый негр. Люди считали первого слишком старым для того, чтобы что-нибудь извлечь из его мудрости; второго они избегали, боясь

² Дромадер (дромедар) – одногорбый верблюд.

страшной заразы, а третьего не хотели и слушать, потому что в Габесе были убеждены, что мудрец не может прийти из Эфиопии.

Нужда сблизила трех мудрецов. Днем они просили милостыню у одних и тех же ворот храма, а ночью спали на одной и той же кровле. Не разлучаясь друг с другом, они могли, по крайней мере, коротать время, передавая друг другу все, что им приходилось наблюдать над жизнью и людьми.

Однажды ночью, когда они спали бок о бок на крыше, густо поросшей красными маками, старший из них проснулся и едва открыл глаза, как принялся будить других.

«Да будет благословенна наша бедность, заставляющая нас спать под открытым небом! – воскликнул он. – Проснитесь и взгляните на небо!»

– Это была ночь, – сказала Засуха, несколько смягчив голос, – которую никто не мог забыть. Было так светло, что небо, обычно похожее на темный свод, казалось глубоким и прозрачным и волновалось, словно море. Свет колебался в нем, и звезды, казалось, плавали на разных глубинах, одни в его светившихся волнах, другие на их поверхности.

И трое мудрецов, вглядываясь в небо, заметили на нем какое-то маленькое пятнышко, спускавшееся с небесных высот, как стрела, пущенная из лука. Приближаясь, оно светило, как светлеют розы – да увянут они все! – когда они распускаются. Пятнышко становилось все больше, темные покровы его постепенно расходились все дальше, и ярко засветились ее первые четыре лепестка.

Наконец, поравнявшись с ближайшей звездой, оно остановилось. Тогда темные краешки совсем отогнулись в сторону, и стали развертываться один за другим лепестки дивной звезды, перед розовым сиянием которой побледнели звезды всего небосклона. Когда бедняки увидели это, то мудрость их подсказала им, что в этот час на земле родился царь, который славой своей затмит царя Кира и Александра Македонского. И они сказали друг другу: «Пойдем к родителям новорожденного и расскажем им, что мы видели. Может быть, они наградят нас за это кошельком червонцев или золотым запястьем!»

Они взяли свои длинные дорожные посохи и двинулись в путь. Пройдя через весь город, они остановились в нерешительности у городских ворот: перед ними лежала великая пустыня, которой люди так боятся. Но, вглядываясь в нее, они заметили, что от новой звезды по песку пустыни тянулась узкая полоска света, как бы манившая их за собой. И они доверчиво двинулись в путь, следуя за этой бежавшей впереди их полоской света. Всю ночь шли они по бесконечной песчаной пустыне, беседуя дорогой о молодом новорожденном царе. Они найдут его, без сомнения, в золотой колыбели, играющим драгоценными камнями... И ночь прошла незаметно в разговорах о том, как царь и царица, родители новорожденного, выйдут к ним навстречу и как они поведают им, что небо предрекает их сыну могущество и силу, красоту и счастье, с которым не сравнится счастье самого Соломона... Они гордились тем, что Бог избрал именно их и указал им чудесную звезду.

«Конечно, – говорили они, – родители новорожденного дадут нам в награду не менее двадцати кошельков золота, а может быть, наградят и так, что нам никогда уже больше не придется знать нужды и лишений».

– Я лежала в пустыне, как лев, подстерегающий добычу, – продолжала Засуха, – так хотелось мне преградить им путь мучениями жажды; но они ускользнули от меня. Всю ночь вела их звезда, а утром, когда небо посветлело и другие звезды погасли, она все еще сияла и освещала пустыню, пока не привела их к оазису, где они нашли родник и финиковые деревья. Там отдыхали они целый день, а едва наступила ночь, как звезда снова засияла розовым светом и, освещая путь мудрецам, повела их дальше. По мнению людей, – продолжала Засуха, – это было чудесное путешествие. Звезда вела их так, что они не страдали ни от голода, ни от жажды. Она вела их мимо колючих кустарников, отводила от глубоких зыбу-

чих песков, охраняла от жгучего солнца и знойного вихря пустыни. Три мудреца то и дело повторяли друг другу: «Бог хранит нас!.. Он благословляет наш путь!.. Мы – послы Его!..» Но мало-помалу я завладевала ими незаметно для них самих, и через несколько дней сердца этих странников превратились в такую же мертвую пустыню, как та, по которой они шли. Души их преисполнились бесплодной гордостью и алчностью.

«Мы послы Божьи, – повторяли трое мудрецов, – отец новорожденного царя должен подарить нам по меньшей мере караван, нагруженный золотом!..»

Наконец звезда привела их к прославленной реке Иордану и заставила подняться на холмы страны иудейской. И однажды ночью она остановилась над маленьким городком Вифлеемом, огни которого виднелись среди зеленых масличных деревьев, покрывавших скалистый холм.

Путники стали озираться и искать пышные дворцы, укрепленные башни, неприступные стены... Но ничто не указывало на близость царской столицы. А хуже всего было то, что звезда привела их даже не в город, а остановилась как раз над какой-то жалкой придорожной пещерой. Нежные лучи ее тянулись к самому входу, и три мудреца, заглянув в глубину пещеры, увидели младенца, тихо спавшего на коленях матери. Но хотя мудрецы и видели, что лучи звезды словно сияющим венцом осеняли головку ребенка, они продолжали в недоумении стоять перед входом. Они не вошли в пещеру, чтобы предсказать малютке славу и царство, а повернули назад и, стараясь ничем не выдать своего присутствия, спустились с холма.

«Разве мы были посланы к нищим, таким же бедным и ничтожным, как и мы? – говорили они. – Разве Бог привел нас сюда, чтобы себе на посмеяние мы предсказали ребенку какого-то пастуха почести и славу? Это дитя всю свою жизнь будет пасти стада в долине!»

Засуха умолкла и как бы в подтверждение своих слов кивнула слушателям.

«Разве я не права? – казалось, спрашивала она. – Есть вещи безжизненнее песков пустыни. Но ничего нет бесплоднее сердца человеческого».

– Три мудреца отошли недалеко, когда им пришло в голову, что, может быть, они ошиблись и сбились с пути, указанного звездой, – продолжала Засуха, – и подняли глаза, чтобы по звезде найти верную дорогу. Но звезда, которая привела их с Востока, уже исчезла с неба.

Три чужестранца, внимательно слушавшие рассказ Засухи, вздрогнули при этих словах, и на лицах их отразилось глубокое страдание.

– Тут, – снова начала рассказчица, – случилось нечто в высшей степени радостное, по крайней мере, если судить об этом так, как судят люди. Не видя больше звезды, мудрецы, конечно, сейчас же поняли, что они согрешили пред Богом. И с ними произошло то же, – продолжала, содрогаясь от отвращения, Засуха, – что бывает осенью с землей, когда наступает пора дождей. Они задрожали от ужаса, как земля содрогается от ударов молнии и раскатов грома. Все существо их смягчилось, и смирение пробилось в их сердцах, как пробивается весной первая травка... Три дня и три ночи бродили они по стране в поисках младенца, на поклонение которому вела их чудесная звезда. Но звезда не показывалась на темном ночном небе; они все больше и больше сбивались с пути, и все сильнее охватывала их скорбь. На третью ночь подошли они к этому колодцу, чтобы утолить жажду. И тогда Бог сжалился над ними и отпустил им их грехи. Наклонившись над колодцем, они увидели в глубине его дрожащее отражение звезды, приведшей их с Востока. Они радостно подняли глаза к небу – звезда по-прежнему сияла над ними, и розовый луч ее снова повел их к пещере в Вифлеем. Там они пали ниц перед ребенком и сказали: «Мы приносим тебе золотые кубки, полные ладана и драгоценных ароматов. Тебе суждено быть величайшим из царей, когда либо правивших на земле от самого ее сотворения. Приветствуем Тебя, Владыка мира, нашими смиренными дарами!»

Ребенок положил свою ручку на их склоненные головы, и, когда они поднялись, оказалось, что он наградил их дарами, какими не мог бы одарить их и самый могущественный царь: престарелый мудрец обратился в цветущего юношу, прокаженный очистился, а негр стал прекрасным, белолицым мужем. И говорят, что по возвращении каждый из них сделался царем в своей стране.

Засуха замолчала, кончив свой рассказ, и чужестранцы стали хвалить ее.

– Ты хорошо рассказала, – сказал один из них, – но меня удивляет, что три мудреца ничего не делают для колодца, показавшего им звезду. Неужели они забыли о таком благодеянии?

– Разве этот колодец не должен постоянно оставаться здесь, – сказал второй чужестранец, – чтобы напоминать людям, как счастье, которое теряется на высотах гордости, снова обретается в глубинах смирения?

– Разве умершие хуже живых? – сказал третий. – Разве благодарность умирает в сердцах тех, кто обитает в раю?

Услышав это, Засуха с воплем бросилась в сторону от пришельцев. Она поняла, кто были эти путники. И, как безумная, она бросилась прочь, чтобы не видеть, как три мудреца позовут своих слуг, введут на холм верблюдов, нагруженных мехами с водой, и как бедный иссякший колодец наполнится водой, привезенной из рая...

Вифлеемский младенец

Вифлееме у городских ворот стоял на часах римский легионер. На голове у него был медный шлем, у пояса висел короткий меч, а в руке он держал длинное копье. Весь день стоял он почти неподвижно, так что издали его можно было принять за железную статую. Целый день жители входили и выходили из ворот, нищие усаживались в тени под их аркой, торговцы зеленью и вином ставили свои корзины и сосуды на землю возле воина, а он едва поворачивал голову, чтобы взглянуть на этих людей.

«Здесь не на что глядеть, – как бы говорил его презрительный взгляд, – что мне до всех вас, кто работает, торгует и приходит сюда с маслом и вином! Я хотел бы видеть войско, готовое ударить на врага, видеть беспорядочное смятение при схватке конницы с пехотой! Дайте взглянуть мне на храбрецов, бегущих с осадными лестницами, чтобы взобраться на стены вражеского города! Ничто, кроме войны, не может радовать моего взора. Сверкающий римский орел, блестящее оружие, смятые шлемы, кровавые следы победоносной битвы – вот от чего радостно бьется солдатское сердце!..»

Сейчас же за городскими воротами расстилалось великолепное поле, все заросшее лилиями. Легионер стоял здесь каждый день, и взгляд его был направлен как раз на это поле, но ему, конечно, никогда и в голову не приходило обратить внимание на необычайную красоту цветов. Порой замечал он, что прохожие останавливаются и любуются лилиями, и тогда он удивлялся, как могут они тратить время на то, чтобы глядеть на такие пустынные вещи.

«Вот люди, – думал он, – которые не понимают, что действительно прекрасно!»

И он равнодушно смотрел на поля и масличные рощи, окружающие Вифлеем, и отдавался своим любимым мечтам, в которых видел себя в раскаленно-знойной пустыне, под ярким солнцем Ливии... Легион воинов длинной вереницей тянется по желтым пескам. Нигде нет защиты от зноя, нигде не видно признаков воды, конца-края нет пустыне, ничто не говорит о том, что близка цель, для которой предпринят поход. Видит он, как, едва держась на ногах, двигаются вперед легионеры, истомленные голодом и жаждой, видит он,

как падают они один за другим наземь, словно подкошенные палящим солнцем. И однако, несмотря на все это, отряд упорно подвигается вперед, не жалуясь, не думая о том, чтобы изменить полководцу и вернуться...

«Вот что прекрасно, взгляните на это, – думал воин, – вот что достойно внимания храброго мужа». Стоя на своем посту изо дня в день на одном и том же месте, легионер имел полную возможность наблюдать прелестных детей, игравших вокруг него. Но с детьми было то же, что и с цветами: дети не привлекали его взора, не смягчали его суровости, и он удивлялся тому, что окружающие с радостной улыбкой смотрят на детские игры.

«Удивительно, – усмехнулся он, – как много охотников попусту радоваться!»

Как-то раз, стоя на своем обычном посту у городских ворот, легионер увидел мальчугана лет трех, прибежавшего поиграть на лугу.

Это было дитя из бедной семьи, прикрытое лишь овечьей шкурой; мальчик играл один-одинешенек. Воин пристально смотрел на мальчика и, сам того не замечая, следил за ним. Первое, что бросилось ему в глаза, – это то, что мальчик так легко бегал по лугу, словно скользил по верхушкам былинки. Когда же он стал затем играть, легионер пришел в еще большее изумление.

– Клянусь моим мечом, – сказал он, – этот ребенок играет не так, как другие дети. Чем это он там забавляется?

Ребенок играл всего в нескольких шагах от него, и ему легко было следить за всем, что делает мальчик. И он увидел, что мальчуган протянул ручку, чтобы поймать пчелку, сидевшую на цветке и до того отягощенную цветочной пылью, что она была уже не в силах улететь. К великому удивлению воина, пчела не только не пыталась улететь с цветка и не жалила ребенка, а, наоборот, охотно далась сама ему в руки.

Крепко держа ее между пальчиками, крошка побежал к городской стене, нашел в одной из ее расщелин улей и оставил там пчелку. Затем он поспешил на помощь к другой пчеле, и целый день солдат видел ребенка за этой работой – малютка помогал пчелам вернуться в улей.

«Этот мальчик глупее всех, кого я до сих пор видел, – думал про себя воин. – И как это приходит ему в голову помогать пчелам, которые отлично обошлись бы и без него и которые к тому же могут больно его ужалить. Что за человек выйдет из этого ребенка, если только он вырастет...»

Ребенок приходил изо дня в день и играл на лугу, а часовой не переставал удивляться его играм.

И он спрашивал себя: почему за все три года, которые он провел на своем посту, ничто так не привлекало его внимания, как этот глупо забавлявшийся ребенок?

Однако этот мальчик нисколько не радовал воина. Напротив, при виде его он вспоминал предсказание одного древнего иудейского пророка, предвещавшего, что наступит время, когда на земле воцарится мир и в течение целого тысячелетия не прольется ни капли крови, не будут вестись войны и люди будут жить друг с другом в любви, как братья. Легионера охватывал ужас при одной мысли о таком отвратительном времени, и он судорожно сжимал свое копьё, как бы ища опоры.

И чем больше воин наблюдал за ребенком и за его играми, тем чаще думал он о грядущем царствии тысячелетнего мира.

Конечно, он не боялся, что это царство наступит теперь же, но он не любил думать даже и о далеком будущем, которое может отнять у воина шум битвы и военные утехи.

Однажды, когда ребенок играл среди цветов на прекрасном лугу, нависли тучи, и разразился ливень.

Увидав, как большие, тяжелые дождевые капли падают на нежные лилии, мальчик испугался за судьбу своих прекрасных друзей. Подбегая к самым большим и красивым цве-

там, он пригибал к земле их жесткие стебли с цветками, подставляя дождевым каплям их наружную сторону. Защитив так один цветок, он перебежал к другому, третьему, четвертому, заботливо наклоняя их, пока наконец не защитил все цветы от ливня.

Легионер едва удерживался от смеха, глядя на всю эту возню мальчугана с цветами.

«Боюсь, что цветы не очень-то будут ему благодарны, – подумал он про себя. – Теперь все стебли, конечно, поломаны. Лилии нельзя так сгибать».

Когда же буря стихла, он увидал, что ребенок снова бежит от одной лилии к другой, чтобы их выпрямить. К его безграничному удивлению, ребенок без малейшего труда выпрямил все жесткие стебли, и ни один из них не был ни сломан, ни поврежден. И вскоре все спасенные мальчиком лилии снова засияли во всем своем блеске.

При виде всего этого война охватило непонятное смущение. «Что это за дитя? – думал он. – Трудно даже поверить, что можно делать такую бессмыслицу. Что за мужчина выйдет из ребенка, который не в состоянии перенести даже вида растоптанной лилии? Что же будет, если ему придется воевать? Что сделал бы он, если бы ему приказали поджечь дом, переполненный женщинами и детьми, или пустить ко дну корабль со всем экипажем?»

И опять припомнилось ему древнее пророчество, и он начинал опасаться, что близится время, когда это пророчество начнет сбываться. Раз мог появиться такой мальчик, как этот, значит, это ужасное время недалеко. И теперь уже царит по всей вселенной мир, и, верно, войнам никогда больше не бывать. Отныне все люди будут такие же, как этот ребенок. Они не только будут бояться навредить друг другу, а даже, больше того, сердце не позволит им погубить пчелу или цветок.

Не станет больше великих героев и славных подвигов. Не будет больше блестящих побед, и доблестный триумфатор не проследует больше к Капитолию. И в мире не будет ничего, о чем бы мог мечтать храбрец. И легионер, до той поры все еще надеявшийся дождаться новых войн и благодаря геройским подвигам добиться власти и богатства, почувствовал такое раздражение против трехлетнего мальчика, что, когда тот пробежал мимо него, он пригрозил ему копьем.

В один из ближайших дней внимание его привлекла еще новая странность. То была уже не помощь пчелам и цветам; теперь ребенок делал нечто такое, что казалось солдату еще более бессмысленным и нелепым.

Стоял чрезвычайно жаркий день, и солнечные лучи, падая на каску и вооружение легионера, так накаляли их, словно на нем было огненное одеяние. Прохожим казалось, что он должен ужасно страдать от зноя. Налившиеся кровью глаза выступали из орбит, губы потрескались. Но закаленному воину, привыкшему к палящему зною африканских пустынь, это не казалось ничем особенным: ему и в голову не приходило оставить свой пост. Напротив, ему доставляло удовольствие показать прохожим, что он так силен и вынослив, что не нуждается в защите от палящего солнца.

И вот в то время, как он стоял на карауле, заживо жарясь, мальчик вдруг подошел к нему. Он знал, что легионер не относится к числу его друзей, и остерегался подходить к нему на расстояние вытянутого копья. Но тут он вплотную подошел к нему, долго и пристально глядел на него и затем бросился бегом через дорогу. Скоро он вернулся и принес в горсточке несколько капель воды.

«Неужели же мальчику пришло в голову побежать за водой для меня? – думал воин. – Это уже действительно бессмысленно. Разве римский легионер не сможет вынести легкого зноя? Зачем этому крошке бегать и помогать тем, кто не нуждается в его помощи? Мне не нужно его милосердие. Я хотел бы, чтобы он и все ему подобные совсем не существовали на свете».

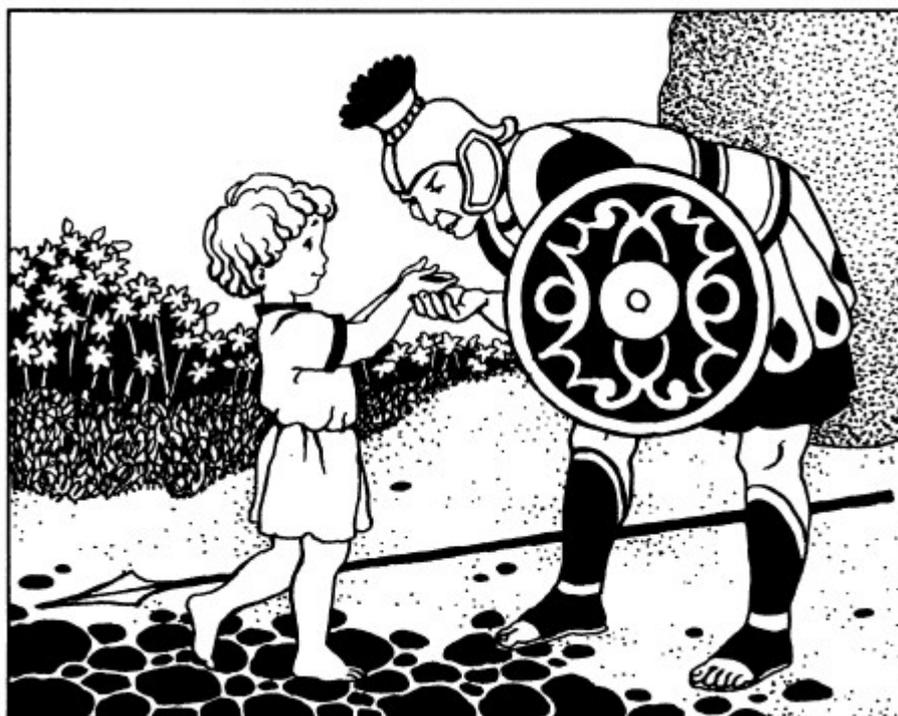
Мальчик приближался очень осторожно, крепко сжимая пальчики, чтобы не расплескать и не пролить ни одной капли. Он не отводил глаз от воды и не замечал поэтому, что воин стоит, нахмутив лоб, и негодуя глядит на него.

Наконец мальчик остановился перед легионером и предложил ему воду.

Пока он шел, тяжелые светлые локоны ребенка все ниже спускались ему на лоб и наконец упали совсем на глаза. Он несколько раз встряхивал головкой, чтобы откинуть волосы и взглянуть на солдата.

Когда это наконец удалось ему и он увидел суровое выражение на лице часового, он все-таки не испугался, но остался на месте и с очаровательной улыбкой предложил воину освежиться принесенной им водой. Но тот не имел ни малейшего желания пользоваться услугами этого ребенка, на которого смотрел как на своего врага. Он не глядел на прелестное личико ребенка, а продолжал стоять неподвижно, как статуя, не показывая виду, понимает ли он, что хочет сделать для него мальчик.

Ребенок продолжал доверчиво улыбаться, приподнялся на цыпочки и вытянул ручонки так высоко, как только мог, чтобы огромному воину легче было достать воду. Настойчивое желание ребенка помочь ему так оскорбило легионера, что он замахнулся на крошку копьем. Но в эту минуту перед глазами у него замелькали красные круги, и он почувствовал, что в голове его все пылает. Он ужаснулся при мысли, что умрет от солнечного удара, если тотчас же не найдет себе облегчения. Близость смерти заставила его забыть о всем остальном; он швырнул на землю копье, схватил обеими руками ребенка, приподнял его и высосал из его ручек всю влагу.

Конечно, ему удалось только смочить язык несколькими каплями, но больше ему и не было нужно. Как только он отведал воды, блаженная прохлада разлилась по его телу, и он не чувствовал больше, как шлем и щит тяготят и жгут его. Лучи солнца утратили свою смертоносную силу. Пересохшие губы часового снова увлажнились, и красные круги перестали мелькать перед его глазами.

Едва успев опомниться, он спустил с рук мальчика, и тот снова побежал играть на лугу.

Теперь только воин пришел в себя и подумал: «Что это за вода, которую принес мне мальчуган? Это был такой чудесный напиток, за который следовало бы хорошенько поблагодарить крошку».

Но так как он ненавидел мальчика, то тотчас отогнал от себя эту мысль.

«Ведь он еще ребенок, – подумал он, – и не знает, почему поступает так или иначе; он просто играет всем, что его развлекает; разве он получает благодарность от пчел или лилий? Не стоит думать об этом малыше; он даже не сознает, что помог мне».

Еще больше вознегодовал на ребенка легионер, когда спустя несколько минут он увидел выходящего из городских ворот начальника римских войск, расположенных в Вифлееме.

«Какой опасности я подвергнулся, – подумал легионер, – из-за затеи мальчугана. Приди Вольтигий немного раньше, он застал бы меня на посту с ребенком на руках».

А начальник подошел прямо к нему и спросил, могут ли они поговорить, будучи уверены, что их никто не подслушает. Он хотел бы сообщить солдату одну тайну.

– Если мы отойдем шагов на десять от ворот, – ответил воин, – нас никто не услышит.

– Ты знаешь, – сказал начальник, – что царь Ирод несколько раз пытался овладеть одним ребенком, который живет здесь, в Вифлееме. Пророки и первосвященники сказали ему, что этот мальчик унаследует его престол и положит основание тысячелетнему царству мира и святости. Ты, конечно, понимаешь, что Ирод хочет избавиться от этого ребенка.

– Конечно, понимаю, – с жаром сказал легионер, – но ведь нет ничего легче этого.

– Разумеется, это было бы легко, – возразил военачальник, – если бы царь знал, к кому из вифлеемских младенцев относится это предсказание.

Глубокие морщины легли на челе воина.

– Жаль, что прорицатели не могут дать ему никакого указания относительно этого.

– Но теперь Ирод придумал такую хитрость, посредством которой он надеется обезопасить себя от малолетнего царя мира, – продолжал начальник, – и обещает щедрую награду всякому, кто захочет помочь ему в этом деле.

– Что Вольтигию угодно будет приказать, будет всегда исполнено без какой-либо платы и награды.

– Спасибо, – ответил начальник. – Теперь выслушай план царя. Он хочет отпраздновать день рождения своего младшего сына, устроив праздник, на который будут приглашены, вместе со своими матерями, все вифлеемские мальчики в возрасте от двух до трех лет. И на этом празднике...

Он вдруг замолк и засмеялся, заметив выражение отвращения, появившееся на лице воина.

– Друг мой, не бойся, – продолжал он, – что Ирод захочет возложить на нас обязанности нянек. Нагнись поближе, и я на ухо доверю тебе его замысел.

Начальник долго шепотом рассказывал что-то легионеру и, кончив, прибавил:

– Мне, конечно, не надо тебе объяснять, что необходимо хранить все это в тайне, иначе все предприятие может разрушиться.

– Ты знаешь, Вольтигий, что на меня ты можешь положиться, – ответил тот.

Когда начальник удалился и воин снова стал на свой пост, он стал искать глазами мальчика.

Тот все еще играл среди цветов, и воин поймал себя на мысли, что ребенок, словно бабочка, легко и мило движется среди цветов.

Но вдруг воин засмеялся.

«Ну, этот ребенок недолго будет мозолить мне глаза. Он, конечно, тоже будет приглашен на праздник к Ироду».

Весь день он простоял на своем посту, пока не настал вечер, когда нужно было запирать городские ворота. Тогда он направился узкими темными улочками к роскошному дворцу, принадлежавшему Ироду в Вифлееме.

Внутри этого громадного дворца был мощный двор, окруженный зданиями, вдоль которых шли одна над другой три открытые галереи. На верхней из этих галерей – по приказанию царя – должен был состояться праздник для вифлеемских детей. Эта галерея – по повелению царя – превращена была в чудесный сад.

По крыше вились виноградные лозы, с которых свешивались тяжелые гроздья, а вдоль стен и колонн стояли невысокие гранатные и апельсиновые деревца, сгибающие свои ветви под тяжестью зрелых плодов. Пол был усыпан лепестками роз, лежавших густым мягким душистым ковром; балюстрады, углы, столы и низкие скамейки – все было обвито гирляндами нежных белых лилий. Среди этой роши цветов скрывались мраморные бассейны, а в их прозрачной воде играли сверкающие золотом и серебром рыбки. По деревьям порхали заморские птицы, а в одной из клеток беспрерывно каркал старый ворон.

К началу торжества дети, в сопровождении матерей, стали собираться в галерею. При входе во дворец малюток наряжали в белые ткани с пурпурными краями и надевали на темнокудрые головки венки из роз. Женщины чинно входили, одетые в красные и голубые ткани, с белыми прозрачными покрывалами, спускавшимися с высоких шаровидных головных уборов, украшенных золотыми монетами и тонкими цепочками. Одни входили, неся своих детей на плече, другие вели их за руку, некоторые же, чьи дети особенно робели и смущались, держали их на руках.

Женщины садились на пол галереи. Едва они уселись, как появились рабы и поставили пред ними низенькие столы с изысканными яствами и напитками, – все, как полагается на царском пиру.

И счастливые матери стали есть и пить, сохраняя по-прежнему горделивое выражение достоинства, составляющее главную прелесть вифлеемских женщин.

Вдоль самых стен галереи, почти скрытые гирляндами цветов и фруктовыми деревьями, были выстроены в два ряда воины в полном боевом вооружении. Они стояли совершенно неподвижно, как будто их вовсе не касалось все происходящее кругом. Женщины не могли время от времени не бросить удивленного взгляда на эту толпу вооруженных людей.

– К чему они здесь? – шептали они соседкам. – Разве Ирод думает, что мы не сумеем себя вести, или думает, что нужно такое множество солдат, чтобы сдерживать нас?

Другие отвечали шепотом, что, очевидно, все делается так, как и должно всегда быть у царя. Ирод, говорят, на всех своих торжествах наполняет дворец воинами. Теперь же эти вооруженные легионеры стоят здесь на карауле в честь приглашенных.

В начале праздника малютки стеснялись, неуверенно бродили по галерее или робко жались к матерям. Но скоро они оживились, забегали и потянулись за всеми очаровательными вещами, приготовленными для них Иродом.

То было поистине сказочное царство, созданное царем для его маленьких гостей.

Гуляя по галерее, они то находили соты, откуда могли брать мед без боязни быть укушенными пчелами, то им попадались деревья, склонявшие к ним свои отягченные плодами ветви. Далее, в одном углу, они видели фокусника, который в одно мгновение наполнил все их карманы игрушками, а в другом месте появился укротитель, который показывал детям ручных тигров, на которых можно было кататься верхом.

Однако в этом раю, со всеми его очарованиями, ничто так не привлекало внимания детей, как длинный ряд воинов, неподвижно стоявших вдоль стен галереи. Блестящие шлемы, строгие, гордые лица, короткие мечи в богатых ножнах – все это приковывало детские взоры. Играя и шалая, дети не переставали следить за воинами, и хотя держались в стороне от них, но страстно хотели подойти поближе к ним, поглядеть, живые ли они и могут ли они действительно двигаться.

Игры и веселье с каждой минутой все разгорались, а воины все продолжали стоять неподвижно, как статуи.

Дети никак не могли понять, как можно стоять так близко от винограда и разных лакомств и не протянуть руки, чтобы достать что-нибудь.

Но вот один из мальчиков не в силах был дольше бороться с любопытством: он осторожно приблизился к одному из закованных в броню воинов, но, так как солдат и тут не вышел из своей неподвижности, мальчик подошел ближе – и наконец так близко, что мог ощупать ремни от сандалий и одежду солдата. И вмиг – как будто прикосновение ребенка было неслыханным преступлением – все эти железные статуи ожили.

С неопишым зверством накинулись они на детей и стали их хватать. Одни с размаху бросали малюток через лампы и гирлянды с галереи во двор, где они разбивались о мраморные плиты. Другие обнажили мечи и пронзали сердца детей, некоторые разбивали им головки о стену, а потом бросали маленькие трупы во двор, объятый ночной тьмой.

В первую минуту царила мертвая тишина.

Матери окаменели от ужаса.

Но в следующий миг эти несчастные ясно поняли, что случилось, и с диким воплем отчаяния бросились на палачей.

На галерее еще оставались дети, которых не успели схватить при первом нападении. Воины погнались за ними, а матери бросались на колени перед извергами и ловили голыми руками обнаженные мечи, чтобы отвести смертельный удар. Некоторые женщины, дети которых были уже убиты, бросались на легионеров, хватали их за горло и пытались задушить, чтобы отомстить за своих малюток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.